9. *Roelcke T.* Fachsprachen. 3., neu bearb. Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 2010. 269 S.
10. *Yang W.* Anglizismen im Deutschen. Am Beispiel des Nachrichtenmagazins Spiegel. Tübingen: Niemeyer, 1990. 237 S.

О. В. Данчук

Победитель конкурса поддержки публикационной активности
молодых исследователей (проект 3.1.2, ПСР РГПУ им. А. И. Герцена)

КУЛЬТУРА КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПЬЕРА БУРДЬЕ

Статья посвящена анализу теоретического наследия французского социолога культуры Пьера Бурдье и сфокусирована на понимании им категории культуры и способах ее измерения. В первой части статьи автор дает краткий обзор существующих отечественных подходов к изучению культуры, ведущими из которых являются деятельностный и системный. Во второй части — раскрывает позицию французского социолога Пьера Бурдье в отношении культуры, выявляя связь его идей с ведущими направлениями западной гуманитарной мысли.

Ключевые слова: П. Бурдье, культура, культурология, габитус, функции культуры.

O. Danchuk

Culture as a Scientific Category in the Theoretical Heritage of Pierre Bourdieu

The article is devoted to the analysis of the theoretical heritage of Pierre Bourdieu. The main emphasis is made on his understanding of the category of culture and ways of its measurement. The article starts with the Russian approaches to the study of culture, and then Bourdieu's views on culture are given. The connection between the main western scientific thoughts and Bourdieu's ideas are also highlighted.

Keywords: Bourdieu P., culture, cultural studies, habitus, functions of culture.

В настоящее время в отечественной социологии Пьер Бурдье (1930–2002) является одним из самых цитируемых авторов, однако в последние годы и культурологи активно начинают использовать его теоретическое наследие [10, с. 90]. Это вызывает закономерный вопрос: можно ли опираться на теорию П. Бурдье в культурологии, учитывая не только различия культурологических и социологических подходов, но и двух научных традиций: французской и российской. Цель данной статьи — раскрыть потенциал концепции Пьера Бурдье для культурологического исследования. В связи с этим необходимо установить, в каких «точках» соприкасаются отечественные культурологи с позицией французского исследователя в дефиниции культуры и категориальном аппарате ее исследования. В российской культурологии сложилось несколько подходов к пониманию культуры, основными из которых являются деятельностный и системный.

Деятельностный подход рассматривает культуру с двух позиций — как творческую деятельность и как специфический человеческий способ деятельности. В период зарождения отечественной культурологии было разработано два варианта, различия

между которыми Э. Маркарян определял так: «Один из них выразился в понимании культуры как процесса творческой деятельности, другой — как специфического человеческого способа деятельности» [11, с. 33]. Общим основанием для данных подходов является понятие деятельности. Сторонники первого подхода (А. И. Арнольдов, Э. А. Баллер, Н. С. Злобин, Л. Н. Коган и др.) наделяют культуру положительными характеристиками, обращают внимание на роль личности как созидательного начала, творящего нечто новое. Результат культурного процесса закрепляется в процессе творчества и исследуется в контексте созидающей деятельности. По мнению В. Межуева, схематически это может быть представлено двумя процессами: опредмечивания и распредмечивания. В первом случае, личностная форма культуры, представленная умениями и способностями человека, переходит в предметную. Это приводит к расширению материальной базы культуры. При распредмечивании главным результатом является развитие человеческой личности [13, с. 285].

Представители второго подхода (В. Е. Давидович, Ю. А. Жданов, М. С. Каган, Э. С. Маркарян, З. И. Файнбург, В. В. Трушков и др.) связывают формирование культуры с функционированием общественной системы, а также полагают неправомерным наделять ее ценностными ориентациями самих познающих субъектов. Это не просто эмпирическая фиксация результатов деятельности, к культурным явлениям можно отнести только использующиеся в последующей деятельности продукты культуры. Что же является конечной целью деятельности? По мнению Э. Маркаряна, она направлена на поддержание и совершенствование системы за счет достижения адаптивного и неэнтропийного эффекта. То есть «соотношение культуры и общества мыслится по принципу не части и целого (культура — часть общества), а функции и структуры» [13, с. 290]. Культура выполняет множество различных функций (стимулирование, программирование, контроль и воспроизводство человеческой деятельности), поэтому она должна проявляться «в виде соответствующих стереотипов действия. Стереотипизация культуры находит свое выражение в нормах поведения, орудиях труда, в оружии, произведениях искусства, средствах транспорта, жилищах, одежде и других формах» [12, с. 110].

Основоположником системного подхода в изучении культуры считается М. С. Каган, который еще в 1974 г. в книге «Человеческая деятельность: опыт системного анализа» [8] предложил выделить три плоскости, изучение которых необходимо для адекватного представления о системе, — предметную, функциональную и историческую. Система — это целостность, не сводимая к ее частям, которые образуют единство в их взаимосвязи. По М. Кагану, культура — это «системная, исторически образовавшаяся и исторически изменяющаяся многосторонняя целостность специфически человеческих способов деятельности и ее опредмеченных плодов — материальных, духовных и духовно-материальных, художественных» [8, с. 26]. В целостной системе культуры он выделяет три подсистемы со своими модификациями: духовную (содержит результаты освоения субъектом объективной реальности), материальную (включает в себя физическую, техническую и социально-организационную культуры) и художественную (в творчестве выражается тождество материального и духовного).

Размышления о культуре западных исследователей XX в. строятся в русле главных направлений в гуманитарных науках. По мнению самого П. Бурдье, в большей степени на развитие его концепции повлияли структурализм (К. Леви-Стросс, Р. Барт, М. Фуко), постструктурализм (Ж. Деррида, Ф. Лиотар, Ж. Делёз) и феноменология (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти) [4], поэтому кажется целесообразным кратко отразить ключевые направления их поиска.

Задача феноменологии — раскрыть смысл предмета. Для этого необходимо очистить

сознание исследователя от естественных установок обыденного сознания. В центре философской системы феноменологии находится человек как исторически конкретный и динамически развивающийся феномен с его деятельностью и сознанием, зависимый от конкретных исторических условий. Реальность понимается как мир существования человека, который становится субъектом культуры.

Наибольшее влияние на становление концепции Бурдье оказал структурализм, который представлял культуру как совокупность знаковых систем и культурных текстов. Структуралисты полагали, что в сознании человека существуют нерефлексируемые психические структуры, регулирующие поведение. Человек сравнивает и верифицирует свои представления об окружающем мире, изменяя принципы сочетаемости внутри структур. Изучая культурные тексты, возможно выявить и описать эти психологические структуры.

Постструктурализм заимствовал многое у структурализма, но в изучении текста главным методом становится его деконструкция — разделение на простые формы, а затем реконструкция, сборка текста с последующим выявлением привнесенных, чужеродных интерпретаций. Культура рассматривается как поле реализации оппозиции «власть — подчинение», причем власть проявляется во всех сферах человеческого взаимодействия.

Французский социолог Пьер Бурдье рассматривал такие значимые для социологии и культурологии параметры культуры, как ее функции, механизмы накопления и трансляции, нравственные ценности и культурное бессознательное. Используя методологию Бурдье, представляется возможным показать взаимовлияние общества и культуры, а также дифференцированно вычленить сферы культуры в разных областях (полях). Важно отметить, что подход Бурдье позволяет не только описывать, но и объяснять культурные феномены.

То, что Б. С. Ерасов называет «культурными накоплениями», выраженными в языке, в манерах, в образе жизни и гуманитарных знаниях [6, с. 226], а В. Межуев — личностной формой культуры, в теории Бурдье становится частью культурного капитала в его инкорпорированном состоянии. Инкорпорация — это «воплощение социальных отношений в теле агента в виде его устойчивых диспозиций определенным образом говорить, ходить, чувствовать, держать спину и т. п.» [14, с. 63]. Накопление культурного капитала включает процесс инкорпорирования, что требует определенных временных затрат и усилий по освоению и ассимиляции, он может передаваться по наследству и является неотъемлемой частью личности [3, с. 61].

Инкорпорированная социальность, или габитус, является структурируемой и структурирующей структурой, организующей практики и их восприятие. Габитус постоянно подвергается проверке опытом, причем существует вероятность, что «в соответствии с тем или иным социальным положением опыт будет лишь подтверждать габитус; иными словами, последующий опыт будет сходен с тем, который его и сформировал» [5]. Габитус аккумулирует прошлое человека, является не врожденным, а приобретаемым в процессе воспитания, образования и т. д. и позволяет спрогнозировать человеческое поведение в определенных (похожих или повторяющихся) условиях. Ниило Кауппи полагает, что концепция габитуса как культурного бессознательного достаточно эффективна и позволяет включить в область исследования все проявления культуры [9].

Показательным примером воспроизводства прошлого, по мнению П. Бурдье, являются берберские горцы Кабилии. Посредством габитуса и ритуальных практик они воспроизводят социальный и мировой порядок, основанный на утверждении примата мужественности. Господствующее представление о разделении полов «выражается в речевых практиках в виде пословиц, пого-

ворок, загадок, песен, стихов, а также в графических представлениях: настенных рисунках, орнаментах на горшках и тканях» [2, с. 292], во внутреннем делении пространства жилища и т. д., то есть в том, что мы называем культурой. Важной особенностью габитуса является то, что он воспроизводит «структуры мира и тела, имеющие определенную половую принадлежность» [2, с. 303]. В традиционных обществах женщина училась носить одежду, соответствующую различным этапам жизни (девочка, девушка, невеста, мать, вдова), усваивала принятые в данном обществе правила поведения, нравственные ценности через бессознательное или прямое подражание. Габитус формируется культурным капиталом и находится вне сознания, влияя на поведение человека. Отсюда следует еще одна его особенность — он проявляется только в отношении к какой-либо ситуации. Бурдье не отвергает идею исторической трансформации габитуса, учитывая влияния на габитус общих исторических условий, характерных для конкретной эпохи.

Эта позиция французского исследователя перекликается с идеей М. С. Кагана о трех модусах существования культуры, которые, взаимопревращаясь, и создают культуру. Первая модальность культуры — это качества, приобретенные человеком, его знания, умения, потребности и ценности, вторая модальность воплощается в способах деятельности, реализующих культурные качества человека, третья — материальные, опредмеченные результаты этой деятельности [7, с. 55]. Пьер Бурдье, как и М. С. Каган, говорил о третьей модальности культуры, называя ее объективированным состоянием культурного капитала.

Согласно П. Бурдье, культура играет большую роль в воспроизводстве социальной структуры общества, она является «связующим веществом» между элементами структуры. Обращая внимание на объединяющую и коммуникативную функции, главную роль в этом процессе Бурдье отводит государству, которое внушает и пропагандирует господствующую, легитимную национальную культуру. Как результат, индивид получает своеобразную установку, паттерн в конструировании собственного национального образа. В этом случае очень показательным является пример Соединенного королевства Великобритании, где сохранилась традиция культа королевской семьи; или стереотип об Englishness, включающий в себя «все неподдающиеся определению и имитации (для не-англичан) качества» [1].

Пьер Бурдье не называл себя культурологом, однако некоторые его исследования могут оказаться полезными для дальнейшего развития этой науки. Если понимать культурологию так, как понимает ее А. Я. Флиер, — группа наук, изучающих «комплекс ценностно-нормативных механизмов социальной организации, регуляции и коммуникации людей <…> а также изучающая систему институциональных органов («культурных институтов»), занимающихся социализацией и инкультурацией человеческой личности» [14, с. 128], — то становится понятным, что эти проблемы входили в круг интересов П. Бурдье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурдье П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Социологическое пространство Пьера Бурдье. Режим доступа: http://bourdieu.name/content/burde-duh-gosudarstva-genezis-i-struktura-bjurokraticheskogo-polja, свободный.
2. *Бурдье П.* Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2007. С. 286–364.
3. *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. Режим доступа: http://ecsoc.hse. ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60, свободный. С. 60–74.

4. *Бурдье П.* Fieldwork in Philosophy // Начала. М., 1994. С. 13–57.
5. *Бурдье П., Шартье Р.* Люди с историями, люди без историй // Социологическое пространство Пьера Бурдье. Режим доступа: http://bourdieu. name/content/burde-rozhe-sharte-ljudi-s-istorijami-ljudi-bez-istorij, свободный.
6. *Ерасов Б. С.* Социальная культурология: Учебник для студентов. М., Аспект Пресс, 2000. 590 с.
7. *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры: Учебное пособие: В 2 кн. СПб.: Петрополис, 2003. Кн. 1. 367 с.
8. *Каган М. С.* Человеческая деятельность: опыт системного анализа. М., Политиздат, 1974. 328 с.
9. *Кауппи Н.* Социолог как моралист: «практика теории» у Пьера Бурдье и французская интеллектуальная традиция // НЛО. 2000. № 45. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo /2000/45/kauppi.html, свободный.
10. *Магидович М. Л.* Единство социального и культурного // Культурология: Учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Под ред. Л. М. Мосоловой. М., 2013. С. 88–102.
11. *Маркарян Э. С.* Исходные посылки культуры как специфического способа человеческой деятельности // Философские проблемы культуры. Тбилиси, 1980. С. 16–44.
12. *Маркарян Э. С.* Проблема целостной характеристики предмета истории культуры // История СССР. М., 1979. № 6. С. 105–113.
13. *Межуев В. М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Университетская книга, 2012. 403 с.
14. *Флиер А. Я.* Современная культурология: объект, предмет, структура // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 124–145.
15. *Шматко Н. А.* Габитус в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 59–69.

REFERENCES

1. *Burd'e P.* Duh gosudarstva: genezis i struktura bjurokraticheskogo polja // Sotsiologicheskoe prostranstvo P'era Burd'e. Rezhim dostupa: http://bourdieu. name/content/burde-duh-gosudarstva-genezis-i-struktura-bjurokraticheskogo-polja, svobodnyj.
2. *Burd'e P.* Muzhskoe gospodstvo // Sotsial'noe prostranstvo: polja i praktiki. M.; SPb., 2007. S. 286–364.
3. *Burd'e P.* Formy kapitala // Ekonomicheskaja sociologija. Jelektronnyj zhurnal. 2002. T. 3. № 5. Rezhim dostupa: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5. pdf#page=60, svobodnyj. S. 60–74.
4. *Burd'e P.* Fieldwork in Philosophy // Nachala. M., 1994. S. 13–57.
5. *Burd'e P., Shart'e R.* Ljudi s istorijami, ljudi bez istorij // Sotsiologicheskoe prostranstvo P'era Burd'e. Rezhim dostupa: http://bourdieu. name/content/burde-rozhe-sharte-ljudi-s-istorijami-ljudi-bez-istorij, svobodnyj.
6. *Erasov B. S.* Sotsial'naja kul'turologija: Uchebnik dlja studentov. M., Aspekt Press, 2000. 590 s.
7. *Kagan M. S.* Vvedenie v istoriju mirovoj kul'tury: Uchebnoe posobie v 2 kn. SPb.: Petropolis, 2003. Kn. 1. 367 s.
8. *Kagan M. S.* Chelovecheskaja dejatel'nost': opyt sistemnogo analiza. M., Politizdat, 1974. 328 s.
9. *Kauppi N.* Sotsiolog kak moralist: «praktika teorii» u P'era Burd'e i frantsuzskaja intellektual'naja traditsija // NLO. 2000. № 45. Rezhim dostupa: http://magazines. russ. ru/nlo/2000/45/kauppi. html, svobodnyj.
10. *Magidovich M. L.* Edinstvo sotsial'nogo i kul'turnogo // Kul'turologija: Uchebnik dlja stud. uchrezhdenij vyssh. prof. obrazovanija / Pod red. L. M. Mosolovoj. M., 2013. S. 88–102.
11. *Markarjan Je. S.* Ishodnye posylki kul'tury kak spetsificheskogo sposoba chelovecheskoj dejatel'nosti // Filosofskie problemy kul'tury. Tbilisi, 1980. S. 16–44.
12. *Markarjan Je. S.* Problema tselostnoj harakteristiki predmeta istorii kul'tury // Istorija SSSR. M., 1979. № 6. S. 105–113.

13. *Mezhuev V. M.* Ideja kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury. M.: Universitetskaja kniga, 2012. 403 s.
14. *Flier A. Ja.* Sovremennaja kul'turologija: objekt, predmet, struktura // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 2. S. 124–145.
15. *Shmatko N. A.* Gabitus v strukture sotsiologicheskoj teorii // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii. 1998. T. 1. № 2. S. 59–69.

А. А. Карабанова

ФОРТЕПИАННОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО В ЭПОХУ ЗВУКОЗАПИСИ

Статья посвящена проблеме эволюции фортепианного исполнительства в условиях современной культуры. Рассматривается влияние звукозаписи и других средств тиражирования художественных произведений на деятельность исполнителей и на культуру в целом. Автором ставится вопрос о тех новых культурно-исторических смыслах, которые сообщает фортепианному исполнительству «цифровая революция».

Ключевые слова: эволюция фортепианного исполнительства, тиражирование искусства, звукозапись, цифровая революция, культурно-исторический смысл.

A. Karabanova

The Art of Piano Performance in the Era of Sound Recording

The article is devoted to the problem of the evolution of piano performing in the contemporary culture: the influence of sound recording and other means of reproduction of art on the performers and on culture on the whole. The issue of new cultural and historical senses of piano performing art in the digital era is discussed.

Keywords: evolution of piano performing, art reproduction, recording, digital revolution, cultural and historical sense.

Пластинка никогда не заменит настоящему любителю музыки концертного зала, несмотря на все её достоинства. Но я считаю большим счастьем, что существуют пластинки.

Андре Клюитанс*

Фонограф, безусловно, — одно из величайших изобретений человечества. Появление звукозаписи изменило мир в куда большей степени, чем мы думали. Музыкальный критик Артемий Троицкий пишет: «Когда музыка в конце XIX века смогла отслоиться от непосредственного процесса музицирования и выплеснулась из театральных залов и кафешантанов в необозримые эфирно-граммофонные просторы, это дало фантастический импульс к её развитию. Возникло глобальное поле музыкальной информации» [12, с. 9]. Но в то же время споры о плюсах и минусах звукозаписи продолжаются с самого её появления до сих пор. Сегодня важно обобщить и подытожить эти мнения, попытаться понять, к чему мы пришли и какую роль в современном фортепианном исполнительстве играет это средство массовой коммуникации или, как формулирует известный пианист, исследователь проблем звукозаписи Ю. Н. Стреглов, «следует ли рассматривать звукозапись лишь как средство тиражирования «музыкальных консервов» (М. Ростропович), либо возможен иной подход, при котором обнаруживается культурно-